

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 56 (1102)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ИСЭРТ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья А. Привалова «О допиленной наконец гире», опубликованная в журнале «Эксперт», № 26, 23-26 июня 2014 года.

Вологда
июль, 2014

О допиленной наконец гире

Когда образовательное начальство задним числом снижало минимальный балл, необходимый для удовлетворительной оценки на ЕГЭ по русскому языку, с 36 до 24, они ссылались на то, что по математике планка стоит как раз на 24 баллах. Снижая задним числом планку и по математике с 24 до 20, они уже признавали, что утаптывают долю двоек до полутора процентов, «избегая социального напряжения». Сколько было бы двоек при первоначальных условиях? Дают понять, что 20–25%. Глава идейного штаба реформаторов образования, Вышки, Кузьминов не видит оснований для тревоги: «Мы должны понимать, что реальное число школьников с неудовлетворительными знаниями – это не полтора процента, а почти двадцать пять. Такая ситуация во всём мире, это свойство любой системы обязательного образования». Да; только «во всём мире» двоечникам не выдают таких же аттестатов, как и не-двоечникам. При столь беззастенчивой «порче монеты» впору спросить: а много ли вообще весят нынешние аттестаты?

Аттестат с «законными» тройками хоть, формально говоря, и настоящий, но от этого не легче. Что такое нынешняя тройка? По математике, скажем, оказавшиеся чрезмерно высокими 24 балла восемнадцатилетний парень мог получить, правильно решив пять первых, то есть простейших, задач теста. Выглядят они так: «Шкаф стоит 3300 руб., а его сборка 10% цены. Сколько стоит шкаф со сборкой?»; «Сколько

сырков по 16 руб. можно купить на 100 руб.?» – и посильны любому нормальному третьекласснику. Позвольте, но ведь в программу входят гораздо более сложные вещи – как подсчёт сырков гарантирует удовлетворительные познания хотя бы в азах алгебры? «Отстаньте, не до вас». И беда не только – да, по чести, и не столько – в двоечниках. Беда в том, что от силы пятая часть школьников получает по той же математике или по физике больше вот такой тройки. То есть четыре пятых выпускников не знают практически ничего – и не научены учиться; поэтому надежды на то, что они сумеют чему-нибудь серьёзному обучиться после окончания школы, тоже почти никакой.

Это приговор – не только единому государственному экзамену приговор, но всему, что реформаторы образования делали и сделали с общей школой. Выпускники нынешнего года пришли в школу как раз тогда, когда команда Кузьминова-Фурсенко получила монополию на реформирование образования и управление им; так что ответственность реформаторов за этих ребят уже стопроцентная: именно сюда вела и привела безбожно затянувшаяся реформа. Чугунная гиря перепилена пополам, и обещанного золотого ядра в ней уже точно не наблюдается.

ЕГЭ, который публика больше всего склоняет и поносит, как он ни важен, всё же не болезнь, а симптом. Его всеподавляющая роль в сплющивании

школы отразила основные принципы реформаторов: их никогда не интересовало содержание образования (в «Стратегии-2020» прямо говорится, что единственная беда, угрожающая нашей школе, – это возвращение к спорам о содержании образования), зато всегда интересовал контроль (поскольку педагогическое сообщество всегда относилось к реформаторам дурно, то доверять педагогам они не желали и контроль требовался максимально обезличенный). Ну а если о содержании говорить нельзя, а от формальных критериев зависит абсолютно всё, то к выдаче аттестата за решение трёх тривиально простых задачек – то есть к нескрываемому вырождению школы – всё и должно было прийти.

Хуже всего, на мой взгляд, то, что при таком среднем уровне подготовки выпускников реформаторы с особой свирепостью разносят в щепы лучшие школы страны. Нет, их не прихлопывают прямо – их только заставляют вписываться в требования нового Закона об образовании и минобровских чиновников. Школы, весь смысл которых в работе одарённых учителей с мотивированными детьми, должны брать детей исключительно в своём микрорайоне – и не брать в соседнем. Они достигают поразительных результатов, поскольку работают с каждым учеником индивидуально, а их заставляют ликвидировать всех совместителей, полставочников, ассистентов, психологов, «портящих» среднюю зарплату в школе, и завалить оставшихся педагогов двойной нагрузкой. Пристрелить сразу, право же, было бы гуманнее.

Команда реформаторов, столь полно проявившая себя в общей школе, при Ливанове с ещё большим рвением взялась за остальные сферы своей ответственности – за высшую школу и за науку. От осины не родятся апельсины: реформаторы и там являют свои фирменные черты. Полное презрение к педагогическому и/или научному сообществу. Концентрация на формальных процедурах контроля – причём безлично формальных, поменьше этих ваших реер review, чтобы очкарики не зазнавались! Неимоверно низкая эффективность. Да-да, они глушат кого хотят эпитетом неэффективный, словно бейсбольной битой; но их собственная эффективность – измеренная хотя бы как доля времени, остающаяся у подчинённых Минобру педагогов и учёных от выполнения никому на свете не нужной отчётности, – неандертальски низка. А при тех же подходах неизбежны такие же результаты. Так ли обязательно их дожидаться? Люди, выдавшие аттестаты неучам, «чтобы избежать социального взрыва» и «чтобы те могли учиться дальше», добивают отечественное образование – и должны бы немедленно уйти в отставку. Но мы все понимаем, что эти ребята никуда не уйдут: им ещё есть к чему стремиться. Если 20 баллов – по старой системе кол, то в будущем году планку можно снизить и до нуля.

Минобровская концепция образовательной сферы могла иметь хоть какой-то смысл, пока в силе гипотеза о благо-растворении мировых воздухов. Тогда – да, кого сами не выучим, купим на стороне. Чтобы наготовить специалистов для нефтяных платформ (и конечно, ко-

нечно, для Сколково!), нам за глаза довольно горстки отборных вузов внутри страны – и опоры на ведущие вузы мира. А массовое образование может быть каким угодно, лишь бы подешевле: за- чем органическая химия или, там, рус- ская литература – менеджеру по прода-

же импортного барахла? Но если при- ходится заговорить о чём-нибудь менее пасторальном – хотя бы о жизненной необходимости реиндустриализации, – такая образовательная политика прямо ведёт страну к краху.

Александр Привалов